

АННОТАЦИЯ

научной энциклопедии «Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі». (1-5 т. Алматы: «Әлем. Даму. Интеграция», 2017. – 4208 с. илл. (Толықтырылып, өңделіп екінші басылуы) / («Традиционная система этнографических категорий, понятий и названий у казахов. 1-5 том. Энциклопедия. 2017. Переработанное и дополненное).

Презентуемая пятитомная этнографическая энциклопедия написана группой научных сотрудников Центрального государственного музея Республики Казахстан в течение двадцати лет. Работа за короткий срок успела выдержать два издания: первое – было выпущено в 2011-2014 гг., ставшее уже библиографической редкостью. Второе – представляющее собой капитально переработанное и дополненное издание, вышло в свет в 2017 г. в рамках Государственной программы «Рухани жаңғыру». Принципиальное отличие второго издания от первого заключается в том, что оно включает в себя 147 новых статей; 688 статей доработаны, 682 – полностью отредактированы с учетом мнений широкой публики и научной общественности республики.

Издание богато снабжено соответствующими наглядными иллюстрациями – многочисленными схемами, таблицами, рисунками, фотосюжетами, а также художественными произведениями дореволюционных русских художников, в которых с этнографической точностью изображены различные стороны традиционного уклада жизни и естественной среды обитания кочевников. Будучи особой категорией историко-этнографических источников, характеризующейся наглядностью и репрезентативностью, они придают энциклопедии эстетическую выразительность, а научным построениям логическую завершенность и конкретность.

Главная особенность настоящей энциклопедии, которая также принципиально отличает ее от аналоговых изданий, состоит в том, что в ней традиционная культура казахов рассматривается только посредством бывшей в пользовании у казахов-кочевников системы традиционных этнографических

категорий, понятий и названий. Дело в том, что кочевники свою повседневную разнонаправленную хозяйственно-культурную деятельность реализовали лишь в той мере, в какой они пользовались унаследованными от своих предков многовековыми навыками, знаниями, мировоззрением и представлениями и усовершенствованными ими самими. И этот бесценный межпоколенно-этнический опыт аккумулировался в коллективной памяти многих поколений кочевников в виде разветвленной сети этнографических категорий, понятий и названий, являющихся своего рода интеллектуальными «накопителями-резервуарами». Поэтому каждое новое поколение кочевников в процессе создания жизнеобеспечивающих условий и средств к существованию активно пользовалось этими самими «накопителями-резервуарами» как неисчерпаемым источником получения богатейшего хозяйственно-культурного опыта своих предков. Такой способ организации и подачи материала оказался весьма успешным в процессе определения круга изучаемых проблем (предметного диапазона энциклопедии), особенно тех, которые, по тем или иным причинам, прежде оказались вне внимания многих поколений ученых-этнологов. Это означает ввод в научный оборот принципиально новых, прежде неразработанных этнографических проблем.

Предметный диапазон энциклопедии, особенно, нового издания, весьма широк: оно состоит из 5846 статей, охватывающих свыше 10 000 историко-этнографических когнитивных единиц-универсалий, которые отражают практически все аспекты традиционного образа жизни казахского народа – сферы хозяйственно-экономической жизни, социальных отношений, в особенности, организационные (институциональные) формы (или способы) этих отношений, институтов семьи и брака, обычноправовых отношений и практики, материальной, духовной, соционормативной, экологической культуры и культуры жизнеобеспечения, а также связанной с ними ритуально-обрядовой практики жизненного, календарного, и так называемого «животного» цикла у казахов-кочевников и т.д.

Статьи в энциклопедии, как подобает такому жанру, размещены в алфавитном порядке. Вследствие этого статьи, образующие в проблемно-тематическом отношении ту или иную группу, рассредоточены по всем пяти томам. Поэтому в целях системного, логически обоснованного изложения содержания такого специфического труда, как презентуемая энциклопедия, следует группировать статьи по определенному тематическому направлению.

При этом отметим, что круг освещаемых в энциклопедии проблем (тем) столь обширен, что даже простое перечисление названий статей занимало бы свыше 200 страниц. Это вынуждает авторов сосредоточиться на наиболее системообразующих аспектах проблематики. С точки зрения институционального механизма функционирования кочевого социума, первую группу образуют статьи, посвященные таким институтам традиционной системы управления, как ханская власть, «султан», «би», «ру басы» (глава рода) и «аксакал» (старейшина рода). При этом принципиально важно отметить, что эти вопросы в энциклопедии трактуются с этнографической точки зрения. В соответствии с такой предметно-целевой установкой анализируется процесс становления термина «хан» (т.5). Сложившееся в древнетюркской среде данное понятие применялось по началу как титул провинциального правителя каганата (В.В. Бартольд). Окончательное сложение этого термина (семантическая контаминация) как официального обозначения титула верховного правителя монгольской кочевой империи и подвластных ему народов ряд ученых связывает с именем Чингисхана (В.В. Бартольд, Т.И. Султанов).

В кочевом обществе казахов исключительное право избираться ханом принадлежало только потомкам старшего сына Чингисхана Жошы хана (Джучи хан). В то же время на ханский престол мог претендовать самый выдающийся представитель из числа только лишь султанов (заметим, что существующая историографическая традиция относит всех без исключения чингизидов к категории султанов, что не соответствует действительности). В соответствующих статьях подробно характеризуется процесс обсуждения

кандидатуры претендента-султана на титул хана на специально созванном расширенном курултае «тағанақ кеңес» с участием авторитетных представителей всех трех жузов – султанов, биев, батыров, глав родов (рубасы) и аксакалов (старейшины) (т. 5). По завершению этой обязательной ритуализированной процедуры представители претендента-султана на ханский престол обращались, в первую очередь, к участвующим в собрании знатым биям трех жузов с просьбой поддержать кандидатуру претендента. Подобное обращение, называемое у казахов «сөз тастау» или «сөз салу» по известному в кочевой среде установлению «аталы сөзге тоқтау» (примерно – «прислушиваться мудрым словам великих предков») обычно не отвергалось.

Тематическим продолжением этого прежде неизвестного в науке этнографического сюжета являются материалы статей, которые позволяют реально представить церемонию возведения султана-претендента в ханское достоинство (т. 5). Все описываемые ритуальные действия в энциклопедии трактуются в качестве предваряющих символов-актов предстоящего образования обновленного социального порядка в социуме. В частности, отмечается, что процесс возведения в ханский престол на белом войлоке символизирует образование нового центра организации обновленного жизненного пространства кочевников. А другой институциональный ритуал «боз биенің сүтіне шомылдыру» (омовение молоком белой кобылы) рассматривается как символический акт духовного очищения избираемого султана перед восшедшим на ханский престол (т. 5).

В группе статей исследуется судебная функция хана, традиционно именуемая в кочевой среде казахов «хан билігі», что означает судебное решение хана («хан байлаған іс», «хан кесімі»). Источники свидетельствуют, что до ликвидации ханской власти в Степи в середине 20-х годов XIX в. хан также выполнял функцию судопроизводства по особо тяжким преступлениям и конфликтным ситуациям, возникшим особенно в сфере межродовых и межжузовых отношений. При этом отмечается, что «хан билігі» было тесно

связано с понятием «төрелік айту» или «төрелік жүргізу» (вынесение арбитражного решения или арбитражное разрешение споров). Обычно единолично вынесенный ханом приговор-вердикт, называемый «хан байлаған іс» или «хан кесімі» (принятое ханом судебное решение) пересмотру не подлежал. Однако эта функция обычно осуществлялась через ханский совет, куда входили наиболее видные представители кочевой аристократии всего эля (ел) – «ырыс ұстағандар» и «игі жақсылар» (бии, старейшины, батыры и султаны).

В таком же этнографическом русле изучались функции и других субъектов властно-управленческих отношений – султанов, биев, рубасы (глав рода) и аксакалов. Заметим при этом, что каждый из этих субъектов административно-управленческой деятельности нередко совмещал в одном лице и другие функции. Как свидетельствуют источники, султаны и бии, например, часто являлись и главами родов (т.1-5). Точно так же аксакалы выполняли и судебные функции, а иногда возглавляли рода в качестве «рубасы» (т.1, 5). В интересующем нас аспекте принципиально важно отметить, что отмеченные субъекты властно-управленческих отношений свои соответствующие институциональные функции (судебные, организаторско-управленческие и т.д.) осуществляли только посредством рода-общины («жетіата»), т.е. в той мере, в какой являлись членами этой самой структуры. Потому что именно «жетіата» выступала хозяйственно-экономически и институционально обусловленным основным жизненным пространством реализации указанными субъектами («би», «ру басы», «аксакал») своей деятельности на соответствующих уровнях социума-рода общины, межродовых, межплеменных и межжuzовых отношений (т.е. этноса). Как свидетельствуют источники эпохи средневековья, особенно нарративные, могущество ханов, как субъектов верховной власти, также было обусловлено, прежде всего, всеобщей поддержкой казахских родов-общин (институционального, организационного, военно-политического, нередко

материального характера). Наиболее же сильный род-община из каждого жуза становился опорой ханской власти, названный в народе «ханның нағы».

Изучение этих и других вопросов получили развитие и конкретизацию в цикле статей, посвященных структуре и функциям жуза, «тайпа» (племя), «жетіата» (род-община), впервые в отечественной историографии рассматриваемые в качестве соответствующих форм (способов) самоорганизации казахов в условиях кочевого образа жизни. Смысл данного определения означает, что каждый из этих способов в реальной действительности функционировал как организационная форма соответствующего типа и уровня общественных отношений. Жуз и «тайпа» (племя) соответственно – институциональных, род-община – всей базовой системы социальных отношений в кочевой среде (хозяйственно-экономических, обычноправовых, социокультурных и т.д.). При этом следует особо отметить, что трехжuzовая система, будучи высшей формой самоорганизации казахского этноса, сложилась, как полагает ряд исследователей (прежде всего В.П. Юдин, вслед за ним и Т.А. Султанов), на рубеже XVI - XVII вв. вследствие трансформации прежней улусной системы управления чингизидами не только кочевниками, но и оседлой частью населения центральноазиатско-казахстанского региона. В этом смысле процесс трансформации улусной системы политического управления, в сущности, означает генезис трехжuzового способа самоуправления (самоорганизации) кочевников, обусловленный как внешними, так и внутренними факторами геополитического, социально-экономического и, не в меньшей степени, географического (территориального) порядка. Вопреки существующей с точки зрения ученых в энциклопедии подчеркивается, что с точки зрения исторического контекста того времени и объективной логики функционирования кочевого социума, казахи объединились в три жуза, но отнюдь не делились, как полагают абсолютное большинство исследователей. Делов том, что трехжuzовая система самоуправления (самоорганизации) была

весьма продуманным способом рационального распределения и размещения людских и материальных ресурсов по всей огромной территории казахского края с ее непростыми доминантными климатическими и ландшафтными характеристиками. В то же время такая «триадная» управленческая система достаточно эффективно выполняла и функцию поддержания веками сложившегося «баланса сил» сторон в системе разноуровневых и разнонаправленных межжuzовых связей. Однако заметим, что путем регулирования, прежде всего, межродовых отношений.

Структура как межжuzовых так и внутрижuzовых (межплеменных и межродовых) отношений была организована генеалогическим способом – базировалась на главенствующем системообразующем патрилинейном принципе кровнородственных отношений в кочевой среде «старший брат > средний брат > младший брат» (именуемые в кочевой среде «бір туған» или «емшектес», что примерно означает «единокровные») в полном соответствии с концепцией устной историографической традиции «шежіре».

Как отмечалось выше, «жетіата» в условиях казахского нomaдизма выступает как единственно возможная организационная форма базовых социальных отношений. Это означает, что «жетіата» функционировала в качестве и общины-социума. Основными составляющими «жетіата» являлись патронимические структуры «бірата» («бір атаның балалары»), каждая из которых состояла примерно из 9-12, редко 15 семей. Данные общности, как свидетельствуют источники, выступали основными корпоративными производительными силами, т.е. являлись едва ли не единственными непосредственными корпоративными субъектами хозяйственно-культурной деятельности и воспроизводства личности «общинного» типа.

Историческим и логическим продолжением отмеченных групп категорий, понятий и названий является цикл универсалий, в которых как в фокусе заключен ментально выраженный огромный межпоколенный опыт реализации обычноправовых отношений в кочевой среде. При этом особое внимание

уделяется таким институтам обычноправовой практики, как «билер кеңесі» (совет биев), «жүгініс» (примерно означает «обращение с просьбой»), «бидің билігі» («суд биев»). Эти процессуально-правовые институты в соответствующих статьях энциклопедии рассматриваются своего рода как пусковые механизмы включения правовых функций традиционных норм и принципов линий поведения кочевников для наказания виновных лиц (заметим, что часто применяемое в науке понятия «билер соты» представляет лишь механически калькированный эквивалент русского термина «суд биев».

В цикле статей анализируется формы традиционной семьи, а также роль и значение экзогамных норм в регулировании семейно-брачных отношений. При этом специальное внимание уделено изучению семейной обрядности, которая состояла из трех взаимосвязанных циклов: а) свадебного; б) верований и обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей; в) похоронно-поминального.

В энциклопедии особую группу образуют статьи, в которых посредством соответствующих категорий, понятий и названий «точечно» рассматриваются (т.е. в рамках того или иного универсалия) такие направления кочевого скотоводства, как коневодство, овцеводство, верблюдоводство, а также традиции разведения крупного рогатого скота («ірі қара мал»). В кочевой среде они назывались «төрт түлік» (отметим, что козы вкупе с овцами образуют единую категорию «түлік»).

Собственно, именно данным типом хозяйственно-культурной деятельности в конечном счете и обусловлены структурно-функциональные особенности системы управления, властных и социальных отношений и их разноуровневых организационных форм (понимаемых как способы самоорганизации кочевого этноса), культурных традиций, жизнеобеспечивающих структур, механизмов различных типов и направлений хозяйства и т.п. в кочевой среде.

Посредством соответствующих категорий, понятий и названий изучены традиционные формы и способы ведения земледельческого хозяйства у казахов. При этом впервые введены в научный оборот бывшие в применении у казахов-кочевников целый цикл названий отдельных элементов и механизмов веками сложившейся оросительной системы, особенно, южных и южно-западных регионах Казахстана («түкірткі», «қарабура», «салма», «арық салма», «шығыр-әуіт» и т.п.). Каждый из этих и других терминов с этнографической точностью отражает этнически характерные черты, технологические особенности, в частности, способы применения соответствующего компонента традиционных гидротехнических сооружений.

Проанализирована группа категорий, понятий и названий, которые в своем системном единстве образуют этнографическую «картину» традиционной культуры жизнеобеспечения казахов (поселение, жилище, одежда, система питания, домашний интерьер и утварь, а также народные знания – метеорологические, метрологические, ботанические, зоологические, медицинские, астрономические и т.д.).

В следующем цикле категорий, понятий и названий изучено традиционное военное дело у казахов-кочевников – институт батырства («батыршылдық»), предметы и средства вооружения и их функции, а также тактика ведения войны в различных ландшафтных и погодных условиях.

Ряд универсалиев, связанных со сказительским («ертекші»), исполнительским искусством («жыршы»), а также традициями импровизации («жырау», «акын») и поэтического состязания «айтыс» является предметом специального изучения с точки зрения выполнения данными направлениями гуманитарной культуры казахов разнообразных этнических функций (коммуникативных, зрелищных, эстетических, ритуально-обрядовых, педагогических и т.д.).

Особый цикл категорий, понятий и названий, отражающих основные направления домашнего хозяйства, промыслов, а также прикладного искусства

(войлочное производство, ковроделие, кузнечное дело, кожевенное дело, орнаментика, охота и рыболовство) стал предметом специального изучения. В результате были введены в научный оборот ранее неизвестные в науке ряд технологий изготовления, например, войлочных покрытий юрты («туырлық», «түндік» и т.д.), замши, представляющий собой особый вид дубленой кожи и т.д. Особо следует отметить, что традиционная технология изготовления замши называлась «қыбықтыру» (дубление), а сам полученный продукт – «күдері» (замша).

Цикл статей, посвященных подробному анализу тех категорий, понятий и названий отражает сложившийся веками опыт применения народных знаний в различных сферах жизнедеятельности кочевого этноса – в процессе посезонной организации выпаса скота, лечения болезней различных видов домашних животных и т.д. При этом впервые в национальной историографии достаточно подробно описаны этнически характерные черты и свойства двенадцатилетнего животного цикла «жыл қайыру», лунного календаря «ай есебі», традиции определения дневного («күн қайыру») и ночного («жұлдыз куу», «жұлдыз қарау») времени суток в зависимости от посезонной амплитуды их изменения.

Резюмируя изложенное отметим, что данный научный труд прекрасно демонстрирует огромный эвристический потенциал и рациональность категориально-понятийного способа изучения разнохарактерного этнографического материала в научно-энциклопедическом формате.

Актуальность презентуемой энциклопедии заключается в том, что она в сущности, представляет собой научную инвентаризацию и репрезентацию практически всех доступных аспектов веками сложившейся культурно-исторической традиции казахского этноса, в том числе по тем или иным причинам незаслуженно забытых или утраченных. Очевидно, именно поэтому рядом ученых данный труд оценен как «масштабная антология национальной культуры казахов». В таком качестве издание прямых аналогов, во всяком случае, в тюркоязычных государствах мира и странах СНГ, не имеет. При этом,

издание, помимо своего научно-познавательного значения, выполняет и научно-образовательную функцию.